

**Земское самоуправление на Русском Севере в
XVIII в., том 2**

**Деятельность земского мира. Земство и
государство.**

УДК 93
ББК 63.3
3-55

3-55 Земское самоуправление на Русском Севере в XVIII в., том 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 396 с.

ISBN 978-5-458-15478-9

Первая часть "Земского Самоуправления на русском севере в XVIII в.", вышедшая в свет в 1909 г., была посвящена изучению той внешней обстановки, в которой действовало местное самоуправление на севере, тех общественных элементов, из которых оно слагалось и, наконец, тех внешних форм, в которых оно отлилось.

ISBN 978-5-458-15478-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть „Земскаго Самоуправленія на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, вышедшая въ свѣтъ въ 1909 г., была посвящена изученію той внѣшней обстановки, въ которой дѣйствовало мѣстное самоуправленіе на сѣверѣ, тѣхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагалось и, наконецъ, тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыя оно отлилось. Предлагаемая нынѣ читателю вторая и послѣдняя часть имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе двухъ вопросовъ: во-первыхъ, дѣятельности органовъ самоуправления; во-вторыхъ, отношеній, устанавливавшихся въ XVII в. между земскими мірами и правительственной властью.

Въ дѣятельности земскаго міра разсматриваются двѣ стороны: удовлетвореніе интересовъ и потребностей самого земскаго общества и затѣмъ исполненіе обязанностей, наложенныхъ на міръ государствомъ. Первымъ родомъ дѣятельности заняты главы I—V, гдѣ изслѣдуется земскій міръ какъ хозяйственный союзъ, какъ церковная община и какъ юридическое лицо, вступавшее за свои интересы на судъ или путемъ мірскаго ходатайства передъ государствомъ. Главы VI—XII отведены изученію тѣхъ обязанностей, которыя наложены на міръ государствомъ; въ этихъ главахъ міръ характеризуется, какъ тягла (VI—VIII) и какъ судебная организація (IX—XII).

На взаимоотношеніи государства и земства въ XVII в. должна была неизбѣжно отозваться та перемѣна, которую испытываетъ въ этомъ вѣкѣ, въ особенности со второй его половины, общій строй государственнаго управленія, становящійся все болѣе бюрократическимъ. Яркимъ выраженіемъ этой бюрократизаціи было, между прочимъ, появленіе на мѣстахъ воеводской власти съ ея болѣе или менѣе энергичнымъ вмѣшательствомъ въ дѣятельность самоуправления, главнымъ образомъ, въ дѣятельность, направленную на исполненіе казенныхъ повинностей финансовыхъ и судебныхъ. Казенное тягло, непомерно растущее въ XVII в., наибольшую долю своего вѣса упавшее именно на сѣверные черные міры, давило ихъ самоуправленіе и создавало усиленіе воеводской власти. Въ частности къ этимъ послѣдствіямъ вели тѣ патологическія явленія, которыя возникали здѣсь подъ дѣйствіемъ того же тягла съ его грубыми, неэластичными и неуклюжими формами особенно больно задѣвавшими низшіе, экономически слабые общественные классы. То были: проявившаяся здѣсь рѣзкая, обостренная тягломъ до болѣзненности социальная рознь, естественно вызывавшая вмѣшательство правительственной власти, а затѣмъ экономическое

разореніе Поморья и юридическое приниженіе поморскаго крестьянства, лишавшее его свободы, этого основнаго и необходимаго условія самоуправленія. Взаимоотношенію земскаго міра и воеводы, а также явленіямъ сѣверной земской жизни, приводившимъ къ упадку земства, посвящены главы XIII и XIV.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе выпускаемой въ свѣтъ книги. И эта вторая часть страдаетъ, по глубокому убѣжденію автора, тѣмъ же главнымъ недостаткомъ, котораго ему не удалось избѣжать въ первой: чрезмѣрно большимъ объемомъ, обусловленнымъ фактичностью изложенія. Необходимость приводить факты вызывалась желаніемъ автора посредствомъ по возможности болѣе нагляднаго изображенія ввести читателя въ жизнь древняго сѣвернаго міра, въ конкретномъ видѣ показать дѣятельность земскаго самоуправленія, воочію представить земскаго старосту, земскаго судью, сотскихъ, цѣловальниковъ и другихъ агентовъ міра въ ихъ реальной повседневной обстановкѣ. Съ другой стороны къ той же необходимости вело состояніе положенныхъ въ основу работы архивныхъ источниковъ, описанное въ предисловіи къ первой части. Злоупотребляя, можетъ быть, неизмѣнно радушнымъ гостепріимствомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, давшего мѣсто его труду въ своемъ почтенномъ изданіи, авторъ и на этотъ разъ предпочелъ увеличить размѣры книги, излагая въ текстѣ, примѣчаніяхъ и приложеніяхъ извлеченные изъ архива факты, чѣмъ представлять читателю сужденія, которыя могли бы показаться голословными безъ фактическихъ иллюстрацій.

Москва 28 марта 1912 г.

Глава I.

Волость, какъ поземельная община.

Волость въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка надо представлять себѣ въ двоякомъ видѣ: это—или только внѣшній административно-географическій округъ, не имѣющій никакой внутренней общественной организаціи; или же это—общественный союзъ, „міръ“ на языкѣ XVII вѣка, „земство“ на нашемъ современномъ языкѣ. Въ первомъ случаѣ волость только территорія, ограниченная нѣкоторыми географическими предѣлами ради какихъ либо административныхъ цѣлей; во второмъ она—общественное цѣлое, живой общественный организмъ. Волости-округа съ несвязанными взаимно элементами населенія мы встрѣчаемъ въ XVII в. преимущественно въ центральномъ районѣ Московскаго государства, гдѣ въ составъ волости входятъ разобщенныя между собою служилыя и церковныя земли. Волость-міръ, общественное цѣлое, преобладаетъ на поморскомъ сѣверѣ съ его болѣе однородною государственною „черною“ землею и съ его болѣе единымъ по составу „черносошнымъ“ крестьянскимъ населеніемъ.

Волость-округъ—только механическое дѣленіе, проводимое ради какихъ либо административныхъ соображеній и удобствъ, напр. для писцовыхъ описаній, для регистраціи казенныхъ сборовъ и т. п. Поэтому нельзя говорить о жизни и дѣятельности этой волости. Наоборотъ, волость-міръ, какъ организмъ, живетъ и дѣйствуетъ. Изученіемъ этой дѣятельности мы и должны теперь заняться.

Въ дѣятельности волости-міра надо различать двѣ стороны: во-первыхъ, удовлетвореніе потребностей и интересовъ составлявшаго ее общества и, во-вторыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ государство приспособило волость-міръ для своихъ цѣлей—удовлетвореніе требованій, предъявляемыхъ къ ней государствомъ. Потребности и интересы самого волостного общества въ XVII в. были немногочисленны и несложны, хотя все же они были не только матеріальнаго, хозяйственнаго, но и духовнаго порядка. Волость-міръ бывала нерѣдко союзомъ, владѣвшимъ общимъ имуществомъ и сообща предпринимавшимъ разнаго рода хозяйственныя операціи; она выступала защитницей общихъ интересовъ на судѣ; она представляла за эти интересы передъ государствомъ, обращаясь къ нему съ ходатайствами. Наконецъ, религіозные свои интересы она удовлетворяла, совпадая въ значительномъ количествѣ случаевъ съ церковнымъ приходомъ.

Государство наложило на волость обязанности: сбора податей и судебно-полицейскаго управленія, и волость для исполненія обѣихъ обязанностей должна была поставлять выборныхъ изъ своей среды агентовъ. Такимъ образомъ волость вдвинулась, какъ часть, въ машину государственнаго управленія; но, входя въ составъ этой машины, волость продолжала сохранять свое значеніе и свою конструкцію организованнаго общественнаго союза. Представляя изъ себя общественный союзъ, она отправляла государственныя финансовыя и судебно-полицейскія дѣла. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, и въ финансовомъ, и въ судебно-полицейскомъ, она была связана крѣпкою круговою порукой, платя подати за недоимщиковъ, ловя преступниковъ и разверстывая между своими членами платежъ виры въ случаѣ совершившагося на ея территоріи убійства. На эту круговую поруку, которою была связана, выступая передъ государствомъ, волость, нельзя смотрѣть только какъ на внѣшній стягивающій обручъ, насильственно наложенный государствомъ; въ ней можно видѣть также проявленіе того внутренняго единства, той солидарности, которая связывала „міръ“ изстари.

Мы и рассмотримъ теперь каждый изъ этихъ двухъ видовъ дѣятельности волостнаго міра: во-первыхъ, ту ея дѣятельность, которая удовлетворяла собственные интересы міра; во-вторыхъ, ту, которая шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Начнемъ съ волости, какъ хозяйственнаго союза.

Волостное общество переплетено хозяйственными отношеніями. Составлявшія волость сѣверныя деревни связывались между собою не только единствомъ мѣстоположенія, равно какъ и ихъ владѣльцы были соединены другъ съ другомъ не только своею принадлежностью къ волостному обществу. Деревни не были особыми, отдѣльными одна отъ другой единицами, порознь, независимо одна отъ другой, входившими въ составъ волости, объединенными только волостью. Между отдѣльными деревнями существовали связи, смыкавшія ихъ по двѣ, по три и въ болѣе многочисленныя группы. Эти связи имѣли хозяйственный характеръ и заключались въ совмѣстномъ пользованіи угодьями, общими для двухъ или нѣсколькихъ деревень. Между деревнями можно замѣтить тѣ же совладѣльческія складническія отношенія, которыя въ одной деревнѣ можно наблюдать между отдѣльными дворами или во дворѣ между отдѣльными семьями. Между-деревенское совладѣніе угодьями могло быть или слѣдствіемъ отвода общаго угодья къ группѣ деревень писцами, надѣлявшими деревни угодьями, или результатомъ складническаго договора, какъ между единоличными владѣльцами деревень, такъ и между вступившими въ договоръ деревенскими складническими группами. Такимъ образомъ, двѣ или болѣе складническія группы, владѣвшія каждая деревней, могли, сложившись, пріобрѣсти на общія средства какое либо угодье, напр. лугъ, выгонъ и по совладѣнію этимъ угодьемъ составляли уже новую сложную складническую группу. Тѣснота, съ которою въ иныхъ уѣздахъ, какъ напр. въ Двинскомъ, размѣщены были деревни по берегу рѣки, содѣйствовала развитію такихъ междудеревенскихъ

складническихъ отношеній и даже дѣлала ихъ неизбѣжными¹⁾. Очень нерѣдко писецъ отводитъ нѣсколькимъ деревнямъ общій лѣсъ. Особенно часты были случаи междудеревенскаго совладѣнія рѣчками, по которымъ располагались деревни. „А угодье у двухъ деревень, у Глогаевской да у Котовальской рѣчка Глотовица“, читаемъ мы въ одномъ поземельномъ дѣлѣ складниковъ деревни Котовальской въ Устьянской Чадромской волости²⁾. Но встрѣчаемъ также постоянно случаи совладѣнія сѣнокосами и пашнею. Въ Вилегодской, напр., волости Сольвычегодскаго уѣзда стояли рядомъ двѣ деревни, носившія одинаковыя названія: Чешкова гора и Другая Чешкова гора. Не только лѣса, сѣнокосы и выгонъ у этихъ деревень были общими, но и поля ихъ были расположены въ однихъ участкахъ, такъ что дворохозяева обѣихъ владѣли въ нихъ полосами череполосно: „деревня Чешкова гора“, говоритъ описывающая ее писцовая книга Сольвычегодскаго уѣзда 1620-хъ годовъ, „а въ ней дворы и люди, и пашня писано подъ деревнею Другіе Чешковы горы, потому что пашня у нихъ во всѣхъ поляхъ черезъ полосу“³⁾. Въ Чакольской волости Кеврольскаго уѣзда писцовая книга 1623 г. показываетъ среди оброчныхъ угодій сѣнокосъ на новой присадкѣ, находящейся во владѣніи „*Вѣйгорскихъ шести деревень за вѣсьми крестьяны*“. Тамъ же крестьяне пяти деревень совладѣютъ оброчнымъ сѣннымъ покосомъ Островкомъ⁴⁾. Въ Двинскомъ уѣздѣ въ Заостровской волости по писцовой 1622—24 гг. крестьяне семи деревень владѣютъ сообща „пустымъ мѣстомъ“ при впаденіи рѣчки Заостровки въ Двину, затѣмъ по Двинѣ лѣсомъ, пригоднымъ для расчистки и рыбными ловлями, платя за всѣ эти угодья оброку 6 алтынъ и 4 деньги⁵⁾. Благодаря такому совладѣнію общими землями и угодьями, между деревнями могли возникать вопросы о „дѣлѣ“, т. е. о передѣлѣ этихъ земель подобно тому, какъ они возникали внутри деревни между складниками-однодеревенцами. У деревень: Чужемскаго Раменья съ одной стороны и Огибаловской съ другой въ Тавельской волости Чарондской округи были общій выгонъ и сѣнные покосы. Крестьянинъ первой Ив. Струнинъ жаловался на крестьянъ второй Ив. и Т. Конапныхъ и И. Еремина въ томъ, что они „пашутъ землю въ поскотинѣ полянки и отхожія запольныя пашни и въ сѣнныхъ покосахъ владѣютъ *безъ дѣлу* и не по тяглу“ и просилъ обязать ихъ съ нимъ „по обытью (т. е. по владѣльческимъ долямъ) и по тяглу подѣлить, гдѣ что ни есть въ полянкахъ и въ припашахъ, и въ сѣнныхъ покосахъ“⁶⁾. Въ Устьянскихъ волостяхъ въ Введенскомъ стану десять деревень владѣли по рѣчкѣ Верюгѣ пожнями, наволоками и причистями. Крестьянинъ одной

¹⁾ П. Ивановъ, Поземельные союзы и передѣлы. Труды Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ. I, стр. 228.

²⁾ Приказныя дѣла въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, 1631 № 44. Ср. часть I настоящей книги, стр. 166—167.

³⁾ Московскій архивъ мин. юстиціи, писц. кн. 446, л. 700.

⁴⁾ Арх. мин. юст., писц. книга 185, л. 172 об., 174.

⁵⁾ Арх. мин. юст., писц. кн. 9, л. 506.

⁶⁾ Пр. Д. 1628 № 13.

изъ нихъ, деревни Веригинской, жалуется на то, что остальные девять деревень, каждая изъ которыхъ была въ свою очередь складническимъ союзомъ — владѣють „не повытно и не по сотной грамотѣ, а съ нами, Веригинской деревней, поженъ и наволоковъ, и причистей повытно и по сотной грамотѣ не верстають“¹⁾. Создавалась тонкая запутанная сѣть, настоящая паутина деревенскихъ и междудеревенскихъ совладѣльческихъ отношеній. Деревня по одному угодыю могла входить въ одинъ совладѣльческій союзъ, по другимъ въ другіе, болѣе или менѣе сложные. Деревня А могла по совладѣнію рѣкой входить въ союзъ съ деревней В, по совладѣнію отведеннымъ имъ общимъ лѣсомъ съ деревнями В и С и кромѣ того, съ деревнями Д и Е могла приобрести общій выгонъ. Совладѣніе общими угодыями, соединяя по нѣскольку деревень въ группы, связывало мелкія единицы, волостки и улусцы, обозначавшіеся въ волостяхъ и скрѣпляло ихъ хозяйственной связью. И самые эти волостки и улусцы связывались взаимно такимъ же совладѣніемъ. Такимъ образомъ деревни входили въ составъ волости не въ разсѣянномъ видѣ, не по одиночкѣ, а группами разныхъ величинъ, и эти группы переплетались между собою совладѣльческими нитями—явленіе, которое еще и въ XIX в. можно наблюдать на Сѣверѣ. „Самую характерную черту современной общины государственныхъ крестьянъ на Сѣверѣ“, говоритъ изслѣдователь этой общины, „составляютъ повсемѣстные факты череполоснаго и общаго владѣнія со стороны нѣсколькихъ селеній разнаго рода угодыями: лѣсомъ, выгономъ, покосомъ и т. п. Въ большинствѣ волостей, населенныхъ государственными крестьянами, въ настоящее время не трудно отыскать такіе случаи, когда нѣсколько селеній, а иногда и цѣлая волость, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, владѣють сообща нѣкоторыми земельными участками“²⁾.

Но сама волость, какъ общество-міръ, въ какомъ смыслѣ была хозяйственнымъ союзомъ? Служила ли она только внѣшнимъ механическимъ объединеніемъ указанныхъ выше мелкихъ хозяйственныхъ группъ, или и сама, какъ цѣлое, была субъектомъ вещныхъ правъ и, владѣя имуществомъ, предпринимала съ нимъ также хозяйственныя операціи. Здѣсь мы неизбежно подходимъ къ знаменитому вопросу о томъ, была ли волость *поземельною* общиною. Попытаемся представить нѣкоторые данныя для его рѣшенія. Прежде всего замѣтимъ, что сѣверная волость въ XVII в. не была собственницей земли, входившей въ составъ ея территоріи. Право собственности на эту землю принадлежало государству, если земля была черною, или государю лично, если она была дворцовою, монастырю или свѣтскому землевладѣльцу, если земля была монастырскою или частновладѣльческою крупною вотчиною, охватывавшею цѣлую волость³⁾. Право собственности государства на черную землю признавалось и указывалось самими волостными ми-

¹⁾ Пр. Д. 1628 № 72.

²⁾ *Щепотьевъ*, Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на Сѣверѣ. Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., II, 82.

³⁾ I, главы IV—VII.

рами¹⁾). Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ сѣверная волость не была поземельной общиной на собственной землѣ. Но если такъ, то не была ли она все таки поземельною общиною на чужой землѣ, черной, церковной или частновладѣльческой?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо припомнить, что право волостного міра не распространялось на отдѣльные деревенскіе участки. Въ черныхъ земляхъ они принадлежали отдѣльнымъ лицамъ на правѣ владѣнія, которое отличалось отъ собственности только тѣмъ, что государство могло жаловать эти участки вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами третьимъ лицамъ. Во всемъ остальномъ права владѣльцевъ черныхъ деревень на ихъ земли ничѣмъ не были ограничены, и они совершенно свободно распоряжаются деревнями и отчуждаютъ ихъ крестьянамъ, принадлежащимъ къ составу другихъ волостей и даже совсѣмъ не крестьянамъ, а лицамъ другихъ состояній, безъ всякаго контроля со стороны волостного міра. Волость въ распоряженіе деревенскими участками не вмѣшивается. При наличности владѣльцевъ деревень волость никогда этими деревнями не распоряжается и вообще никакого отношенія къ нимъ не проявляетъ. Эта собственность сѣверныхъ крестьянъ на ихъ участки возникла въ значительной мѣрѣ изъ захвата, займки пустыхъ, никому не принадлежащихъ земель и затѣмъ укрѣплялась многократнымъ наслѣдованіемъ ихъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Захватное право дѣйствуетъ на Сѣверѣ еще и въ XVII вѣкѣ, а въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Заонежьѣ даже и господствуетъ.

Такимъ образомъ, волость XVII вѣка не можетъ быть названа поземельной общиной, такъ какъ ея права не простираются на отдѣльные деревенскіе участки ея членовъ. Волость, какъ корпорація, является лишь совокупностью владѣльцевъ деревень, а не единымъ субъектомъ владѣнія землею этихъ деревень, не обществомъ, всѣ члены котораго имѣютъ равное право въ общемъ имуществѣ. Словомъ, по отношенію къ деревенской землѣ она не подходитъ подъ опредѣленіе поземельной общины, какъ коллективнаго субъекта владѣнія, въ которомъ отдѣльнымъ членамъ принадлежитъ лишь пользованіе общимъ имуществомъ и въ которомъ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ на общее имущество совершенно равны правамъ каждаго другого члена. Поземельной общиной на государственной землѣ сѣверная волость стала только со второй половины XVIII вѣка, когда межевymi инструкціями 1754 и 1766 г. было отмѣнено право отдѣльныхъ крестьянъ распоряжаться своими участками и даже наслѣдованіе этихъ участковъ. Послѣдніе, по смерти ихъ владѣльцевъ, должны были переходить въ составъ имущества волостной общины, которая и распоряжалась ими. Волость тогда сдѣлалась субъектомъ владѣнія отмежеванной къ ней территоріи, за отдѣльными же крестьянами было оставлено лишь пользованіе даваемыми отъ волости участками, получившее съ начала XIX, со введеніемъ въ этихъ волостныхъ общинахъ земельныхъ передѣловъ—уравнительно-передѣльную форму.

¹⁾ Тамъ же, стр. 56.

Но если о волости XVII вѣка нельзя еще говорить, какъ о поземельной общинѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то все же въ ней можно найти нѣкоторые элементы общиннаго владѣнія. Прежде всего такой элементъ можно видѣть въ принадлежащемъ волости правѣ распоряженія выморочными и покинутыми земельными участками: долями деревень и пустошами, которыя брошены ихъ неизвѣстно куда скрывшимися владѣльцами, покинуты „въ міръ“ и лежатъ „въ міру“ по выраженію актовъ. Въ первое лѣто послѣ ухода владѣльцевъ волость и хозяйничаетъ на этихъ участкахъ, собираетъ хлѣбъ и сѣно¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ такое хозяйничанье падаетъ на нее, какъ обязанность, по распоряженію правительственной власти, въ частности—писцовъ во время описанія уѣзда. Напр. Пр. Д. 1645 № 42: „Лѣта 7153 г. августа въ 13 д. По государеву указу память Ношульскаго приходу цѣловальнику Степану Харитонову да выборнымъ цѣловальникомъ Пронкѣ Денисову да Ивашку Шульпову, да Мокѣйку Кузьмину и всѣмъ крестьянамъ: велѣти имъ деревни Климовской умершаго крестьянина Савки Трифонова рожь пожать *всѣмъ приходомъ*, а пожавъ счетчи снопами, сколько будетъ сотницъ сноповъ, велѣть скласть въ копну и укрыть гораздо, чтобы дождемъ не набило и съ исподу-бъ не подмочило и велѣть тотъ хлѣбъ обмолотить, а по умолоту того хлѣба, сколько четвертей будетъ въ государеву мѣру, и тотъ хлѣбъ всыпать въ житницу и приказать беречь до государева указу, и прислать тому хлѣбу роспись къ писцомъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подъячему Осипу Трофимову. Къ сей памяти Богданъ Герасимовичъ печать свою приложилъ“. Ibid. л. 11. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской уѣзда Учецкой волости земской цѣловальничшко Якунь Васильевъ и во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто. Въ нынѣшнемъ, государь, во 153 г. въ Уцецкой волости многіе крестьянишка тяглыя деревни свои пашню съ насіяною рожью и съ сѣнными покосами впусѣть пометали, а сами они съ женами своими и съ дѣтьми разбрелись врознь по городамъ для хлѣбнаго недороду, а твоихъ государевыхъ четвертныхъ доходовъ и всякіе усольскіе отпуски, и по мірскимъ разводамъ съ своихъ деревнишекъ не платили. Милосердый государь.... вели, государь, въ томъ дѣлѣ свой царской указъ учинить, чтобы, государь, тѣ пустотныя деревнишки, которыя впусѣть пометаны къ нынѣшнему 153 году съ насіяною рожью и съ сѣнными покосы даромъ не пропало и чтобы скотомъ стравлену не быть. Царь, государь, смилуйся. Ibid. л. 12. Отвѣтная память отъ писцовъ: „7153 г. іюля 27 д.: „И земскому цѣловальнику Якушку Васильеву и всѣмъ крестьянамъ тотъ пометной хлѣбъ велѣть пожать, и, сколько на которомъ жеребью будетъ пожину сотницъ сноповъ, и тотъ хлѣбъ скласти въ копну. Да и сѣнные покосы тѣхъ жеребьевъ и иныхъ пустыхъ жеребьевъ и тѣ сѣнные покосы отдавать косить изъ найму охочимъ людямъ, чтобы тѣ сѣнные покосы впусѣть не были. А что того хлѣба на которомъ пустомъ жеребью будетъ и сѣнныхъ покосовъ кому отдадутъ, и та роспись прислать за руками къ писцамъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подъячему Осипу Трофимову“. Ibid. лл. 13—14. Циркулярное распоряженіе писцовъ по всему уѣзду о томъ же. „Лѣта 7153 г. авг. 5. По государеву... указу въ Усольской уѣздѣ въ станы и въ волости, и во всѣ приходы земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, и всѣмъ крестьяномъ“.

Но обыкновенно волость старается сдать эти участки новымъ жильцамъ, побуждаемая къ тому, разумѣется, стремленіемъ пріобрѣсти новаго соучастника въ отбываніи тягла, которое приходилось нести съ брошеннаго участка. Когда находится охотникъ снять такой участокъ, отдѣльное лицо или товарищество, волость по его просьбѣ, обращенной къ ней, а иногда по распоряженію правительственной власти, если къ этой послѣдней направлена была просьба, выдаетъ ему на владѣніе участкомъ особый документъ, „данную“, которая служитъ такимъ образомъ и актомъ принятія лица или группы лицъ въ составъ волостного общества, и документомъ на владѣніе землею¹⁾.

Остановимся нѣкоторое время на анализѣ этихъ „данныхъ“, значительное число которыхъ сохранилось. Данная пишется отъ лица волостного міра: „се язъ староста“ или другой представитель выборной мірской власти да крестьяне такіе-то, указанные поименно, „да и всѣ крестьяне такой то волости отдали есми“ и т. д. Въ данной опредѣляется далѣе составъ отдаваемого деревенскаго участка или пустоши, принадлежащія къ участку угодья и окружающія его межи, напр.: „и мы тотъ жеребій деревни отдали съ полями, и съ пожнями, и съ поскотиною, и съ запольи, что къ тому жеребью изстари потягло; а межи тое деревни по старымъ межамъ“. Затѣмъ перечисляются условія, на которыхъ отдается участокъ.

¹⁾ Пр. Д. 1649 № 45. „Списокъ съ данной. Се язъ Царевскіе волости земской цѣловальникъ Третьякъ Ивановъ сынъ Сажинъ да крестьяне (41 человекъ), да и всѣ крестьяне Царевскіе волости дали есмя по государеву указу и по подписной челобитной воеводы Якима Васильевича Тарбѣва Царевскіе волости въ деревнѣ Коровинской другонадцатую доль деревни Коровинскіе Шумиловское повытье изъ пуста въ жило тоежъ Царевскіе волости крестьянину Якову Тимоѣеву сыну Зуеву и съ дворовой землею безъ хоромъ. А отдали мы, мірскіе люди, то Шумиловское повытье другонадцатую доль деревни Коровинскіе нынѣшняго 157 году апрѣля съ 8 числа къ вешней пашнѣ голуую землю съ пашнею и съ сѣнными покосы на льготу съ нынѣшняго со 157 году апрѣля съ 8 числа да по 162 годъ апрѣля по 8-ое жъ число. А въ тѣ льготные годы платитъ ему, Якову, вытнѣй оброкъ, данныя и оброчныя деньги, по чему доведетъ на годъ. И какъ льготные годы отойдутъ, и ему, Якову, платитъ всякіе государевы подати и мірскіе разметы съ міромъ врьдъ. А отдали мы мірскіе люди то повытье со всѣмъ угодьемъ, кудѣ ходилъ плугъ и соха, и топоръ, и коса и съ отхожими пашнями и пожнями, и съ рѣчными езовици, и съ лѣсными путики, что къ тому повытью изстари угодья подано. И безъ жильца ему, Якову, того повыття въ міръ не покинуть. А жити ему, Якову, на томъ повыттѣ на веру жильцомъ и пашни пахать не находомъ. Въ томъ ему, Якову, міромъ и данную дали. А данную писалъ по мірскому велѣнью Царевскіе волости земской дьячекъ Оверка Истоминой. Лѣта 7157 апрѣля въ 8 день“. На оборотѣ данной 5 рукоприкладствъ. Арх. мин. юст. Грам. Коллег. Экон. Устюжск. у. № 13419: данная Сухопостской волости Комарицкаго ст. Устюжск. уѣзда Прилуцкому монастырю на полдеревни Долматовской, владѣлецъ которой „изъ тое свое деревни выбѣжалъ вонъ со всей своей семьей въ прошломъ во 154 г. и тотъ свой жеребей покинулъ съ насіянымъ хлѣбомъ съ рожью и съ яровымъ“.

Въ однихъ случаяхъ земля отдается „вѣчно“¹⁾; но чаще говорится въ данныхъ, что она отдается „до вотчича“, т. е. до возвращенія ея настоящаго собственника, и если такой вотчичъ выищется и станетъ за нее „приматься“, то владѣлецъ, получившій землю по данной, обязанъ возвратитъ ее вотчичу. Въ сентябрѣ 1594 г. мѣръ Утмановской волости отдалъ нѣкому Ѳедору Семенову Подгорбунскому пустошь Бернѣевскій починокъ, а Панковщина тожь на рѣкѣ Падангѣ. Мѣръ въ данной упоминалъ, что „пуста та пустошь лѣтъ пятьдесятъ и больше“ и поросла уже „лѣсомъ большимъ въ бревно“. Однако, все-таки, несмотря на такой большой промежутокъ времени съ той поры, какъ пустошь была заброшена ея прежнимъ владѣльцемъ, въ данной предусматривается появленіе стараго „вотчича“, которому новый владѣлецъ обязанъ пустошь уступить²⁾. Въ случаѣ появленія вотчича и возвращенія ему участка, новый владѣлецъ имѣетъ право требовать съ вотчича вознагражденія за произведенныя улучшенія, за построенныя хоромы, за дворовыя подѣлки, за роспашу, за подѣлки въ „огородахъ“ и „осѣкахъ“, огражденія полей, за росчисти сѣнныхъ покосовъ по оцѣнкѣ, производимой мѣромъ, „во что мѣромъ оцѣнять“. Если участокъ отдается со льготой на первое время отъ податей, указывается срокъ льготы; если отдается пустошь съ обязательствомъ ее распашать и построить дворъ, то указывается срокъ для распашки и построекъ подъ опасеніемъ неустойки, идущей въ пользу волости. По минованіи срока льготы, съемщикъ участка обязуется нести государственныя и мѣрскія повинности „съ крестьяны въ рядъ“ по той единицѣ обложенія, въ какой значится его участокъ впредь до новаго обложенія, а затѣмъ съ этого „новаго рубежу“ платить, „чѣмъ его мѣромъ обложить“ или „пожалуютъ“.

Въ нѣкоторыхъ данныхъ содержатся также условія относительно права съемщика на распоряженіе снятою землею, причемъ въ однихъ съемщику такое право дается³⁾; по другимъ наоборотъ онъ не можетъ полученнаго

1) Грам. Коллег. Эконом. Устюжск. у. № 13.600.

2) Пр. Д. 1650 № 30.

3) Пр. Д. 1557—1634. „И на ту пустошь мы Есскія волости Пырскія Едомы всѣ крестьяне Клементью да Ивану, да Борису и данную дали, что имъ тою пустошью владѣти безпенно и продати, и заложити“. Пр. Д. 1624 № 8. „Отъ царя и великаго князя, Михаила Ѳедоровича... къ Соли Вычегодской писцомъ нашимъ Пароенью Микифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову. Писали есте къ намъ, что быють челомъ намъ, а къ вамъ приходятъ съ челобитными Усольскаго уѣзда крестьяне, которые въ прошлыхъ годѣхъ замолодали отъ бѣдности и бродили по другимъ городамъ. А деревни свои купленные метали впускъ. И тѣ деревни безъ нихъ мѣрскіе люди отдали крестьянамъ изъ тягла и данныя имъ давали, что имъ въ тѣхъ деревняхъ жити, и пашни пахати, и дворы ставити, и наши всякія подати и мѣрскіе разметы платити съ волостью вмѣстѣ. А будетъ выищется кто на которую деревню вотчичъ и тѣмъ вотчинникамъ тѣ деревни отдавати назадъ, а что хоромъ прибавятъ, или пашню распашутъ, и за то въ тѣхъ данныхъ писано имати на тѣхъ